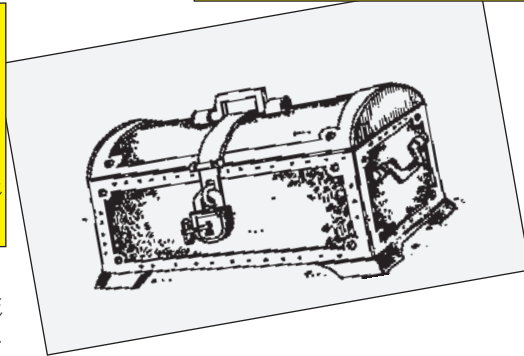

К вопросу о становлении начальной школы в России

О.Б. Ишимова

В статье представлен краткий обзор истории становления учительства в России. Рассмотрение данного вопроса особенно актуально в настоящее время, когда заметно снижается престиж профессии учителя на фоне возрастающей значимости образования.

Анализ историко-педагогической литературы показывает, что народное образование в любой стране мира всегда в большей степени страдало не от недостатка школьных зданий, оборудования, пособий и прочих средств обучения (значение которых трудно переоценить), а от нехватки хорошо подготовленных учителей, несмотря на постоянно увеличивавшееся число выпускников педагогических образовательных учреждений среднего и высшего уровня. Так, по данным исследований В.Н. Турченко и Л.Г. Борисовой, в 1960 г. в России диплом педагога получили 188 тыс. выпускников, а в 1990 г. их было уже 421,4 тыс. Однако дефицит педагогических кадров при этом практически не снижается, и причина его кроется в социально-экономических и моральных факторах [1, с. 168–169].

Каковы же предпосылки такого положения дел?

История обучения подрастающего поколения и педагогического образования неразрывно связана с практикой работы современных учебных заведений. Большинство исследователей истории развития учительства в России убеждены в том, что постижение и анализ исторического изменения и реформирования школы открывает пути к пониманию и, возможно, решению актуальных, насущных проблем сегодняшнего образования.

Целью данного краткого экскурса в историю является рассмотрение социально-экономических и ментальных условий становления российского учительства и выявление исторического изменения социального облика учителя начального образования. Почему именно начального? Да потому, что на протяжении многих веков, вплоть до XX в., подавляющему большинству населения страны было доступно лишь начальное обучение, да и то не в том объеме и смысле, который мы вкладываем в это понятие теперь.

Историко-педагогические очерки дают представление о первых учителях России. Так, известный историк Ф.Г. Паначин пишет, что главной фигурой в распространении начал образования в нашей стране были «мастера грамоты», «начетчики», «книжники», «учительные людские повестники», которые обучали людей чтению, письму и счету. Обучение для них было таким же промыслом, как, например, гончарное ремесло или охота. Эти люди «промышляли» по городам и селам или заводили собственные «грамотные избы». В ряде мест, указывает историк, на средства крестьянских общин и иных групп населения создавались временные училища.

Нередко учитель, подобно деревенскому пастуху, жил и кормился поочередно в крестьянских семьях. Такие крестьянские школы существовали на Руси начиная с XII в., однако часть их в XIX в. слилась с земскими школами. Часто обязанности учителей выполняли служители церкви. Но среди самих церковников было немало неграмот-

ных даже в XIX в. Высшее духовенство, как видно из источников тех времен, отрицательно относилось к просвещению народа и подготовке светских учителей, считая, что книга в руках человека неимущего «есть огонь в руках дитяти». Не без участия духовенства, считает Ф.Г. Паначин, среди населения культивировалось недоверчивое и даже пренебрежительное отношение к благородному труду педагогов, которых называли латынниками, еретиками, служителями сатаны [6].

Как видим, и социальный статус, и экономическое положение народных учителей были незавидными. Остановимся на этом этапе становления русского учительства подробнее.

Из истории образования известно, что возникновение первых начальных школ относится к IX–XI вв.: при церквях и монастырях детей знати учили грамоте, чтению церковных книг и церковному пению [7]. Из летописей того времени мы узнаем, что перечисленными тремя учебными предметами образование большинства детей средних и высших слоев общества начиналось и заканчивалось.

Характер начального образования XIII–XVII вв. ярко описывает в своем послании к митрополиту московскому преосвященный Геннадий Новгородский. Геннадий просил ходатайствовать перед великим князем об основании в Новгороде училищ, ибо учителя, в роли которых, по его словам, выступали «мужики-невежи», когда учат детей, только портят им речь; сначала изучат с ними вечерню и требуют за это платы – каши и гривну денег, затем проходят заутреню и за это снова спрашивают особой платы. Кроме того, что оговорено было заплатить за обучение ребенка, «мастера грамоты» добиваются еще подарков от родителей. Итоги такого обучения, по епископу Геннадию, весьма плачевны: «А как отойдет от мастера, то ничего не умеет, только по книге бредет, а церковного устава ничего не знает» [4, с. 20–21].

В 1551 г., через 50 лет, требование Геннадия повторно прозвучало в Москве на заседании Стоглавого собора под председательством митрополита Макария. Заседание открылось речью царя Ивана Грозного, в которой он жаловался на небрежное учение как на причину малограмотности священников.

Собор, отвечая на это царское заявление, приводит свидетельство «ставленников», что они «учатся потому у своих отцов и мастеров, что им негде более учиться; что учителя сами умеют, то они только и передать могут» [4, с. 45]. В связи с этим собор вынес решение об учреждении училищ, ведать которыми в Москве и по всем городам поручил протопопам, и постановил по разрешению епископа избирать священников и дьяконов для обучения. Надо отметить, что к учительству допускались только «женатые, хорошей нравственности и могущие обучать грамоте чести и пети и писати» или же «учить грамоте довольно, коли сами умеют» [4, с. 22].

Итак, можно сделать вывод, что вплоть до XVIII в. на Руси не было организованной подготовки учителей, а число наставников из духовенства преобладало над числом светских учителей. Историк Н.А. Константинов объясняет это тем, что грамотные и начитанные люди часто становились еретиками, так как ратовали за право выбора епископов, протопопов и восставали против положения епископа как «полноправного вершителя духовных дел» [4, с. 19]. Такие учителя были опасны для господствующего класса. Что же касается материального достатка светских учителей, то их положение было весьма незавидным: «горшок каши да гривна денег» – это всё, на что мог претендовать учитель.

Странник, не имеющий своего хозяйства, постоянно ищущий себе средства для существования, – вот образ учителя того времени. Понятно, что человек, ведущий такой образ жизни, не мог пользоваться особым уважени-

ем общества, его деятельность не являлась престижной. Исключение, возможно, составляли те «мастера грамоты», которые сумели благодаря своей деловой хватке открыть собственную школу, но таких случаев было немного.

Подчеркнем еще одну деталь начального образования IX–XVII вв. – абсолютно все учителя, и светские, и духовные, были мужчинами. Вопрос об излишней феминизации учительства встанет много позднее.

Продолжая исторический обзор, отметим, что первые реформы начального образования, как указывает большинство современных историков, осуществил Петр I, когда для строительства заводов, фабрик, кораблей ему понадобилось достаточное количество образованных людей. Приглашая иностранных специалистов, Петр в то же время хотел и у себя дома готовить нужные кадры.

Для характеристики развития начального обучения большое значение имеет постановление 1714 г. об организации по провинциям цифирных школ, которые можно считать прототипом современной общеобразовательной начальной школы. Преподавателями этих учебных заведений назначались ученики навигацких школ. Впервые было предложено установить общее и обязательное обучение для дворян и будущих чиновников. Именно в Петровское время вопросы народного образования стали подниматься на государственном уровне, хоть и решались они в интересах господствующего класса.

Тормозило развитие начального образования в эти годы отсутствие общегосударственной материальной базы. Сетую на такое положение дел, митрополит новгородский Иов в 1710 г. писал, что переписчики «священников бессрочно неволят на всяком погосте строити школы и велят учити разным наукам, а чем школы строити и кому быть учителями, и каким наукам учити... и откуда пищу имети и всякую школьную потребу при-

имати, того они, переписчики, определить не умеют, точию говорят, впредь указ будет. А у нас и своих много обретается школьников и пищи указанные требуют» [4, с. 35]. Такую же картину описывает Ф.Г. Паначин, акцентируя внимание на том, что материальное обеспечение школ было плохим и учителя зачастую бедствовали.

Был в этот период и другой род учительства: в семье господствующего класса стало модно приглашать гувернеров и гувернанток, домашних учителей и гофмейстеров. По словам президента Академии наук Е.Р. Воронцовой-Дашковой, отношение к ним со стороны великосветского общества нередко было пренебрежительным, «с лакеем, с парикмахером в тысячу раз лучше обходятся в большинстве наших русских семейств, чем с учителем».

Но в публицистике тех времен встречаются и иные взгляды на учительство. Передовые деятели Петровской эпохи И.Т. Посошков и В.Н. Татищев, сознавая отрицательное значение малой грамотности русского народа, были убеждены, что распространение грамоты среди населения

будет способствовать экономическому развитию России. Таким образом, возможно, впервые было заявлено о взаимообусловленности наличия хорошо подготовленных педагогических кадров и экономического роста страны.

М.В. Ломоносов, А.Н. Радищев, Д.И. Фонвизин, Я.П. Козельский и многие другие деятели Просвещения XVIII в. выступали за подготовку русской учительской интеллигенции. Однако вопрос о создании педагогических учебных заведений правительством не рассматривался. В.О. Ключевский в статье «Воспоминание о Н.И. Новикове и его времени» писал о деятельности профессора Московского университета И.Г. Шварца: «Став профессором в 1779 году и по поручению университета составляя учебники и проекты об улучшении преподавания, Шварц набрал у своих друзей пожертвованных, присоединил к ним 5 тыс. руб. своих кровных сбережений и в конце того же года открыл при университете учительскую семинарию, в которой стал инспектором и преподавателем педагогики» [2, с. 250].

Однако далеко не все выпускники учительских семинарий имели желание отправляться преподавать в провинциальные народные школы. В исторических документах имеются сведения о том, что в 1786–1801 гг. Петербургская учительская семинария выпустила 425 преподавателей, часть из которых была направлена на работу в высшие, а часть – в низшие классы 26 главных народных училищ. О направлении же специалистов в сельские школы речи не шло.

Заметной вехой в становлении школьного дела явился «Устав народным училищам» 1786 г. Никогда еще требования к учителю не освещались так обстоятельно, как в этом уставе и, в частности, в «Руководстве учителям первого и второго классов народных училищ». В этих документах указывалось, что учитель должен обладать следующими качествами: христианским благочестием и добронра-

вием, учтивостью, прилежанием и снисходительностью к детям. Устав требовал, чтобы учитель был верным слугой престола [9, с. 162–166].

П. Милюков в очерках по истории русской культуры подчеркивает, что, несмотря на заметный сдвиг в организации образования в России в конце XVIII – начале XIX вв., условия жизни и труда учителя народных училищ в этот период оставались крайне тяжелыми: учитель начального обучения должен был преподавать 36 лет, чтобы выслужить чин коллежского асессора, открывавший ему путь в дворянское сословие, без этого он не мог продвигаться по социальной лестнице; учителя, получившие образование за казенный счет, не могли оставить свою службу (в стране велся сыск «беглых учителей»); учебная нагрузка учителя начального образования равнялась 30 часам в неделю, а в первые годы организации народных училищ их жалованье составляло 55–73 руб. в год, позднее – 150–180 руб. в год. Учитель начальной школы имел самую низкую заработную плату во всей системе образования. Учителя не получали никакого обеспечения по болезни и старости [5, с. 298]. И лишь после школьной реформы 1803–1804 гг. учителя получили право на пенсию в размере жалованья при 20-летней непрерывной службе в государственном учебном заведении и полное жалованье при 30 годах стажа.

Требования к образовательному уровню учителя были, как пишет Ф.Г. Паначин, крайне низкими, поэтому на учительские должности нередко попадали люди случайные, не отличавшиеся особой нравственностью, без необходимого минимума педагогических и общих знаний.

Основываясь на приведенных фактах, можно сказать, что реформирование начальной школы на протяжении XVIII–XIX вв. мало облегчало жизнь учителей, хотя закрепление за учителем права на пенсию и статуса государственного служащего имело огромное значение. Однако, несмотря на это,

нищенский заработок, убогое жилище, тяжелый труд как удел народного учителя – неоспоримый факт.

За эти века произошло еще одно событие, кардинально изменившее последующее развитие системы образования, – в педагогическую сферу были допущены женщины. Выпускницы женских институтов работали в большинстве случаев учительницами начальных классов провинциальных учебных заведений, а также гувернантками в богатых семьях. По данным статистики, в 1785 г. в России функционировало 12 школ, в которых преподавало 38 учителей и обучалось 1491 детей (из которых 209 девочек), а к концу века уже в 165 школах преподавало 394 учителя и обучалось 11 088 детей (из которых 858 – девочки). Последующие годы в развитии российского образования отмечаются неуклонным ростом всех этих показателей.

Итак, несмотря на бедственное положение педагогов, в России увеличивалось количество грамотных людей и появлялось все больше желающих заниматься педагогическим трудом, что закономерно способствовало повышению профессионального уровня учителей, которые получали образование в специализированных педагогических институтах, семинариях и на курсах.

Кратко коснемся положения дел учительства в начале XX в. – в дореволюционный период. В материалах переписи начальных школ 1911 г. зафиксирован острый дефицит школ и учителей. Данные первой Всероссийской переписи населения 1897 г. говорят о том, что число жителей России быстро увеличивается: от 116 млн. чел. в конце века до 163 млн. чел. к 1914 г., на которых приходилось 154 тыс. учителей народных школ. Министерство народного просвещения констатировало нехватку еще в 265 тыс. педагогов. П.А. Вихляев, обобщивший статистические данные, характеризует образовательный уровень учителей такими показателями: высшее обра-

зование имели 0,1% учителей-мужчин и 1% педагогов-женщин; среднее светское – соответственно 1,2 и 33,1%; среднее духовное – 5,5 и 2,5%; среднее педагогическое – 31,9 и 3,5%; домашнее – 61,3 и 36,6% [1, с. 90].

Таким образом, мы видим, что среди учителей начальных школ абсолютное большинство не имело ни специального, ни общего среднего образования.

Отметим и такие интересные данные, как возраст и семейное положение преподавателей начала XX в.: в среднем учителям народных школ было по 21–25 лет, при этом на долю женатых мужчин-учителей приходилось 47,4%, а замужних женщин-учителей – 17,4%. Этот период выделяется еще одной особенностью: впервые за всю историю учительства ученые констатируют преобладание количества женщин-педагогов над педагогами-мужчинами. Если в 1897 г. среди учителей начальных училищ мужчин было 50,5 тыс. (75%), а женщин – 16,7 тыс. (25%), то к 1911 г. из 100 учителей начальных школ мужчин было 46, а женщин – 54.

Этот процесс феминизации школы продолжался на протяжении всего XX в.: доля женщин в школах на протяжении 50–70-х годов составляла 71%, в 80-е годы – уже 75%, а в настоящее время – более 90%. Причем наиболее заметно это в начальной школе, где мужчины-учителя – большая редкость [3, с. 170]. Феминизация «школьного производства», как считают исследователи В.Н. Турченко и Л.Г. Борисова, обусловлена целым рядом экономических, социальных и культурных факторов, главным среди которых является снижающийся уровень оплаты учительского труда, что влечет за собой увеличение числа женщин среди педагогов [3, с. 206–207].

Хотелось бы коснуться и такой стороны социального облика российского учителя, как его здоровье. Здесь уместно привести запись из дневника учителя с 25-летним стажем, жившего в XVIII в.: «Мною замечено, что все учителя... были всегда бедны и претерпевали великий недостаток... Я всегда скорбел и ныне скорблю душою, взирая на бедного трудолюбца» [6, с. 47]. И много позже основоположник учения о школьной гигиене проф. Ф.Ф. Эрисман в работе «Профессиональная гигиена» писал: «Удивительно ли, что здоровье учителя весьма слабо, что он много хворает и что средняя продолжительность его жизни невелика?»

Ф.Р. Филиппов в своей монографии «Школа и социальное развитие общества», изданной в 1990 г., указывает, что одна треть педагогов страдает заболеваниями нервной системы, четверть – сердечно-сосудистыми заболеваниями и еще столько же – заболеваниями желудочно-кишечного тракта. Социальное развитие общества, делает он вывод, и радикальное совершенствование профессионального облика его членов немыслимы без коренных изменений в материально-бытовом обеспечении учителей [8].

Подводя черту под вышесказанным, отметим, что многовеко-

вая история становления учительства в России характеризуется неуклонным увеличением количества учителей, повышением уровня их образованности, несмотря на тяжелые условия жизни. Последнее, по мнению В.Н. Турченко и Л.Г. Борисовой, обуславливает основную задачу, которая стоит перед системой народного образования, – это создание комплекса социально-экономических условий, позволяющих раскрыть громадный потенциал социальной и творческой энергии, заключенной в личности каждого конкретного педагога, который является фактором саморазвития каждого его воспитанника – от дошкольника до студента вуза.

Литература

1. Вишляев П.А. Краткое руководство по статистике народного образования. – М., 1919.
2. Ключевский В.О. Соч., т.VIII. – М., 1959.
3. Колесников Л.Ф., Турченко В.Н., Борисова Л.Г. Эффективность образования. – М.: Педагогика, 1991.
4. Константинов Н.А., Струминский В.Я. Очерки по истории начального образования в России. – М., 1953.
5. Миллюков П. Очерки по истории русской культуры. Ч. 2. – СПб., 1897.
6. Паначин Ф.Г. Педагогическое образование в России. – М.: Педагогика, 1979.
7. Педагогическая энциклопедия / Гл. ред. А.И. Каиров, Ф.Н. Петров. – М.: Сов. энциклопедия, 1964.
8. Филиппов Ф.Р. Школа и социальное развитие общества. – М.: Педагогика, 1990.
9. Хрестоматия по истории педагогики. Т. IV, ч. 1. – М., 1938.

Ольга Борисовна Ишимова – ассистент кафедры педагогики начального и специального образования Магнитогорского государственного университета.